

“Вы этого не делали, правда же?”

“Похоже, ты считаешь, что я хуже животного”.

“Я-я рад, что не вы это сделали. Как, черт возьми, она оказалась такой...!”

“Не пытайся узнать всю историю. Ты должен ценить свою жизнь”.

“Д-да...”

Пораженный, доктор выпрямился и осмотрел тело Эдит.

“К счастью, не похоже, что у нее сломаны кости. С этого момента каждое утро и вечер обливайте ее тело теплой водой, прежде чем наносить мазь, которую я прописал”.

“Это все? Не следует ли тебе дать ей какое-нибудь лекарство или что-то в этом роде?”

“Я приму решение о приеме лекарств после того, как осмотрю ее, сразу как только она придет в себя. Я не думаю, что она отдыхала или ела должным образом, поэтому ей пока следует соблюдать абсолютный покой”.

“Понятно”.

Несмотря на то, что Киллиану еще дважды сказали, что синяки сами по себе не представляют большой проблемы, просто они плохо выглядят, он попросил доктора подождать его в особняке.

Но несколько мгновений спустя герцог Людвиг вызвал Киллиана и Клиффа, сказав, что хочет узнать, что произошло внутри подземелья.

Киллиан стиснул зубы и поднялся на ноги.

“Позаботься об Эдит, пока меня не будет, Анна”.

“Не волнуйтесь, молодой мастер. Если вам понадобится мое свидетельство, я могу говорить часами, так что просто позовите меня”.

“Спасибо”.

Киллиан направился в кабинет герцога, испытывая чувство товарищества со служанкой, на которую раньше никогда не обращал внимания.

Когда он вошел, герцог вытирал окровавленные руки полотенцем.

Все Ригельхоффы и их приспешники, по-видимому, были казнены.

“Садись”.

Как только Киллиан сел, появился Клифф.

Почувствовав ледяное настроение двух своих сыновей, герцог глубоко вздохнул и откинулся на спинку стула.

“Кого мне спросить...?”

Когда герцог обеспокоенно пробормотал что-то, Киллиан заговорил, не глядя на своего брата.

“У тебя есть что сказать о том, что произошло ранее, брат?”

“...”

“Позволь мне сказать тебе, отец. Я немного зол, поэтому, возможно, покажусь немного резким, но ты можешь поправить меня позже”.

“Хорошо”.

Впервые герцог предоставил слово Киллиану, а не Клиффу.

И в тот день в кабинете герцога состоялся долгий разговор о правде, которой они не знали.

Так тепло.

Я больше не чувствовала пробирающего до костей холода, который заставлял меня дрожать.

‘Я... жива...’

Я медленно открыла глаза, проводя ладонями по мягкой поверхности постельного белья.

Когда мое затуманенное зрение прояснилось, я ненадолго застыла при виде знакомой и незнакомой одновременно обстановки, но быстро поняла, что это комната Киллиана.

‘Где Киллиан?’

Я села, мое тело болело от малейшего движения, и огляделась. Но там никого не было, даже Киллиана.

‘Мне страшно...’

Я вдруг испугалась, что, возможно, умерла, и у меня побежали мурашки по коже.

Я со стоном вылезла из постели.

Мне нечего было надеть поверх ночной рубашки, но я не могла дождаться, когда найду кого-нибудь, кроме себя.

“Киллиан...”

Я позвала Киллиана неуверенным голосом и открыла дверь, соединяющую спальню с гостиной.

Глаза трех человек, сидевших за столом в гостиной, одновременно обратились ко мне.

Киллиан, Анна и мужчина, который оказался врачом.

“Эдит!”

Удивленный, Киллиан вскочил на ноги и бросился ко мне, его рука застыла в воздухе, не зная, куда ее деть.

“Что ты делаешь? Ты все еще не полностью восстановилась”.

В конце концов Киллиан очень осторожно обнял меня за плечи и сказал тихим голосом, изучая цвет моего лица.

Мгновенно я почувствовала, как тревога, которая нарастала во мне, утихла.

“Я испугалась, потому что здесь никого не было. Я думала, что я... умерла”.

При этих словах Киллиан замер, как на приостановленном видео, уставившись на меня.

“Прости. Мне следовало сделать так, чтобы один из нас был рядом с тобой...”

“Нет, просто я не совсем проснулась, и у меня были некоторые странные мысли”.

“Мне жаль. Мне жаль, что я оставил тебя напуганной и одинокой”.

Киллиан быстро обнял меня.

Он, казалось, был чрезвычайно осторожен, как будто боялся сильно надавить на какое-нибудь место на моем теле.

Я удивлялась, почему он так меня защищает, а потом поняла, что он был особенно осторожен и не прикасался к моим предплечьям.

‘Должно быть, он увидел, что я ранена’.

Наверное, это было довольно шокирующее зрелище. Синяки были достаточно сильными, чтобы напугать меня, когда я впервые переоделась, потому что они были такими чужеродными для моего тела.

Я посмотрела на фиолетовые синяки на своих предплечьях и бедрах и подумала, вернутся ли они когда-нибудь к цвету здоровой кожи.

“Сначала снова приляг. Я буду рядом”.

Киллиан успокаивал меня голосом, от которого у меня защекало сердце, и, сказав Анне остаться и хорошенько запомнить слова доктора, он повел меня обратно в спальню.

“Киллиан, какой сегодня день? Как долго я спала?”

“Не волнуйся, ты спала "едва ли" три дня”.

“Почему "едва ли"?”

“Потому что ты время от времени просыпалась, хотя, похоже, этого не помнишь”.

“А? Правда?”

Я вообще не помню, как проснулась, как и сказал Киллиан.

“Ты один раз съела суп в середине, несколько раз выпила воды и один раз сходила в туалет”.

“Я этого совсем не помню”.

“Наверное, это так, потому что ты выглядела словно наполовину спала”.

Я ошеломленно кивнула.

“Это нормально для меня... лежать здесь?”

“Что ты имеешь в виду?”

“Я имею в виду, мне интересно, рассердится ли его превосходительство герцог... то, что ты вытащил меня из темницы”, - сказала я, искренне обеспокоенная.

Киллиан, казалось, сдерживал свой гнев: “Тебе больше не нужно беспокоиться о моем отце или брате. Теперь этим людям придется позаботиться о тебе”.

“Что случилось?”

Киллиан долго смотрел мне в глаза, затем глубоко вздохнул и рассказал, что произошло.

Когда Эдит бросили в темницу и началась казнь Ригельхоффов, граф Ригельхофф был первым, кто упал на колени.

“У тебя есть какие-нибудь последние слова?” Герцог Людвиг спросил в последнем акте милосердия.

Но граф Ригельхофф, уже охваченный яростью, страхом и безумием, уставился на герцога налитыми кровью глазами и ухмыльнулся.

“Если я умру, ты должен убить и мою дочь Эдит. Для нее было бы позором остаться в живых, когда мы все мертвы”.

Ответил Киллиан: “Как забавно. Она не твоя дочь, она моя жена”.

“Ха-ха-ха! Когда это она тебе так нравилась, что ты так себя ведешь?”

“Я не знаю, почему ты только сейчас заботишься о дочери, которую бросил”.

“Когда я бросил ее?”

“Если ты не помнишь, как бросил ее, значит, ты вообще никогда не считал ее дочерью”.

При этих словах лицо графа Ригельхоффа странно посуровело.

Настроение Киллиана ухудшилось, когда он понял, что это был максимально близкий к правильному ответ.

Граф Ригельхофф крикнул: “Предателей нельзя щадить. Это правило дома Ригельхофф!”

Герцог Людвиг, который слушал рядом с ним, пристально посмотрел на него, а затем сказал со скучающим видом: “Это проблема Ригельхоффа”.

“Вы даже не можете уважать традиции других семей...!”

“Твои последние слова были слишком длинными. Привести приговор в исполнение!”

Затем палач поднял свой хорошо заточенный топор.

“А-а-а-а! Дорогой!”

“Отец!”

Крики Ригельхоффов эхом разносились по месту казни.

Когда топор рассек морозный воздух, два глаза, пристально смотревшие на герцога Людвига, погасли, и в воздух брызнула горячая кровь.

Это был жалкий конец для человека, который позволил зависти и ревности поглотить его жизнь.

После казни графа Ригельхоффа остальные члены семьи последовали его примеру один за другим.

Горло Шейна, в частности, было перерезано самим Клиффом, "медленно".

Даже когда место казни наполнилось ужасающими криками смерти, мысли Киллиана были прикованы к Эдит, которая, вероятно, дрожала в темнице.

‘Я не могу забрать ее обратно в особняк?! Мой отец все еще сомневается в ней? Он мне не верит?’

Киллиан не мог понять, почему герцог настаивал на том, чтобы держать Эдит в темнице, хотя он сказал ему, что она была заперта в подвале виллы Уэллсли и чуть не умерла.

Шли минуты, и настала очередь Софии.

“Эта сука...!”

Глаза Киллиана вспыхнули гневом, и он сделал шаг вперед.

Как раз в этот момент солдат, охранявший вход на место казни, подбежал и доложил герцогу.

“Ваше превосходительство! Сэр Ренон Филч говорит, что хочет вам что-то сказать!”

“Ренон? Он очнулся?”

“Я думаю, он побежал сюда, как только проснулся”.

Это был Ренон, которого дубинка наемника лишила сознания, когда он пытался остановить похищение.

Обычно он был не из тех, кто паникует или проявляет нетерпение, поэтому, если он прибежал сразу, как только проснулся, это, должно быть, очень важный отчет.

“Впусти его”.

Ренона привели в группу казненных по приказу герцога, голова у него была забинтована, лицо встревоженное, когда он оглядывал оставшихся заключенных.

“Ренон. В чем дело?”

“Где леди Эдит?”

“Эдит? Почему ты ищешь Эдит?”

“Я слышал, что ее схватили и привели на место казни”.

“Но?”

“Она невиновна! Ни в коем случае, ее уже казнили...?!”

От крика у него снова заболела голова, и он отшатнулся, потирая висок.

Киллиан поддержал его: “Ренон, ты что-то знаешь?”

Киллиану отчаянно нужен был кто-то, кто заступился бы за Эдит.

Увидев спокойного Киллиана, Ренон сразу понял, что Эдит все еще жива.

<http://tl.rulate.ru/book/106397/3911562>